

Савельева Елена Борисовна

ДЕЙКТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ АДРЕСАТА И АДРЕСАНТА В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ АНДРЕ ЖИДА)

В процессе номинации и идентификации лица используются разнообразные языковые феномены, среди которых ведущая роль отводится дейксису. В настоящей статье обозначены точки зрения известных лингвистов на языковые процессы, лежащие в поле дискурсивного и текстового пространства с присутствием в нем класса указательных знаков как лексических и грамматических средств, призванных осуществлять идентифицирующую референцию. То, каким образом дейктические маркеры способны выполнять идентификационную функцию при указании адресата и адресанта в тексте художественного произведения, иллюстрируется на примере прозы французского писателя Андре Жиде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 367-370. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.133.1'36

В процессе номинации и идентификации лица используются разнообразные языковые феномены, среди которых ведущая роль отводится дейксису. В настоящей статье обозначены точки зрения известных лингвистов на языковые процессы, лежащие в поле дискурсивного и текстового пространства с присутствием в нем класса указательных знаков как лексических и грамматических средств, призванных осуществлять идентифицирующую референцию. То, каким образом дейктические маркеры способны выполнять идентификационную функцию при указании адресата и адресанта в тексте художественного произведения, иллюстрируется на примере прозы французского писателя Андре Жида.

Ключевые слова и фразы: художественный текст; номинация; идентификация; референция; дейксис; анафора; адресат; адресант.

Савельева Елена Борисовна, к. филол. н.

*Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево, Московская область
lenaandrei2007@rambler.ru*

ДЕЙКТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ АДРЕСАТА И АДРЕСАНТА В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ АНДРЕ ЖИДА)

В последние десятилетия в отечественной лингвистической науке активно изучается структура текста с учётом адресата и адресанта (Н. Д. Арутюнова [2; 3], М. Я. Блох [8; 9], В. З. Демьянков [12; 13], Е. С. Кубрякова [19; 20] и др.) в контексте референциальных отношений (Н. Д. Арутюнова, А. А. Кибрик, Е. В. Падучева [4; 16-18; 22]).

Особенности дейксиса как системы коммуникативных координат лица с функцией идентификации адресата и адресанта представляют собой достаточно актуальную лингвистическую проблему, новизна которой связана с антропоцентрическим направлением ее изучения. Данная статья имеет целью изложить точки зрения отечественных и зарубежных лингвистов на процесс идентификации адресата и адресанта в тексте художественного произведения в целом, опираясь на примеры из прозаических сочинений французского писателя Андре Жида, в том числе автобиографической направленности. Выявление языковых феноменов дейктической природы и условий выполнения ими идентификационных функций – дейктической и/или анафорической – определяет задачи представленного материала научной статьи, с уточнением дефиниций категорий *номинация, идентификация, референция, дейксис* и его единиц, рассматривающихся как элементы единого функционально-семантического поля указательности.

Текст художественного произведения, рассматриваемый как вид коммуникации, свидетельствует, что антропоцентрические номинации, используемые автором, сочетающиеся с дейктическими средствами, идентифицируют субъект/объект текстового пространства, и вводятся они для описания «ориентационных свойств языка, связанных с указанием на субъект/объект высказывания...» [4, с. 3]. Номинация лица и его идентификация присутствуют в каждом художественном тексте, благодаря чему достигается его смысловая значимость и выразительность.

Номинативная функция является основной для назывных единиц языка. Будучи «назывным процессом», номинация, исходя из определения, данного О. С. Ахмановой, предполагает «конкретное соотнесение слова с данным референтом» [5, с. 270], используя при этом разнообразные лингвистические возможности, достаточная употребительность которых присуща французскому языку. В словаре под редакцией В. Н. Ярцевой термин «номинация» определяется как совокупность проблем, представляющих собой изучение актов наименования в форме предложений и образующих его частей, которые рассматриваются в теории референции [21, с. 336].

В противопоставление номинативным единицам выделяется класс указательных знаков, призванных осуществлять идентифицирующую референцию – дейктические и анафорические местоимения как дискурсивные слова, связанные с маркировкой референциального статуса заменяемых ими существительных [1].

В русле многоплановых исследований, посвященных вопросам лингвистики, грамматики и прагматики текста, появились работы, касающиеся самых различных аспектов проблемы дейктических отношений и дескрипций в языке, а именно труды Е. В. Падучевой, Е. М. Вольф, О. Ю. Богуславской, А. С. Нариньяни, С. С. Дикаревой, А. А. Кибрика. Взаимосвязь явлений референции, дейксиса и анафоры непосредственно во французском языке изучалась лингвистами Ж.-К. Мильнером, К. Кербрата-Ореккьони, Ж. Клебером, Ф. Корниш и др. [23].

В сфере дейктических маркеров лежит функция указания на определённые параметры языковой ситуации. Назначение и функционирование дейктических знаков предполагают специфический характер их содержательной стороны по сравнению с номинативными знаками. Каждый раз, обозначая референт, дейктики сохраняют свое внутреннее содержание [16-18]. Дейктический знак обретает способность непосредственно указывать на конкретный референт, только будучи употребленным в речи: письменной или устной. В отличие от семантики назывных слов, семантика дейктических маркеров неотделима от ситуации коммуникации и её участников: *адресанта и адресата*.

В тексте, как правило, представлено несколько типов адресата, взаимодействующих друг с другом. Исходя из классификации Е. И. Бударagiной, представленной в ее диссертационной работе «Средства создания образа адресата в художественном тексте» [10], адресаты подразделяются на:

- монологические – в зависимости от типа речевой ситуации;
- пассивные – в зависимости от ситуативной роли адресата;
- потенциально-возможные – в зависимости от возможности получения адресатом сообщения;
- единичные и массовые – в зависимости от количественного состава;
- адресаты устного сообщения – в зависимости от типа речевых взаимодействий между людьми;
- конкретные – в зависимости от характера референции;
- эксплицитные – в зависимости от способа выражения адресованности;
- фактические – в зависимости от степени реальности роли адресата.

Следует отметить, что связь дейктиков с субъектом основывается на принципе *антропоцентризма*.

Языковые процессы с позиций антропоцентрического подхода были успешно изучены выдающимся французским лингвистом Эмилем Бенвенистом. Разработанная им теория субъективности в языке основана на способности адресанта указывать на самого себя как на *Я* в своей собственной речи. По мнению Бенвениста, лингвистический антропоцентризм значительным образом проявляется при языковой указательности через дейктики, осуществляющие идентификацию субъектов и объектов, через их отношение к речевой ситуации [7, с. 286]. То есть успешная идентификация референтов дейктических слов необходима для того, чтобы знать, с какой целью используется и осуществляется указание.

Категориальным признаком языковых единиц, с помощью которых высказывание связано с субъектом высказывания и дискурсивными координатами, выступает функция указания. Изучение дейксиса и анафоры как явлений, способствующих идентификации адресата и адресанта в тексте, выявляет систему координат дискурсивного процесса в целом, и прежде всего его участников. На этом основании дейктические и анафорические единицы рассматриваются как элементы единого функционально-семантического поля указательности.

В прозаических текстах субъективированного повествования доминирующим видом дейксиса является дискурсивный/контекстуальный дейксис, маркеры которого являются основными компонентами авторского присутствия в тексте и собственно авторской дискурсивной партии [23]. Функциональная значимость контекстуального дейксиса детерминируется письменным контекстом и предпосылочными знаниями, аккумулятивными получаемую информацию. Как отмечалось выше, номинативная функция является базой для назывных единиц языка, соответственно, следует принять положение о том, что класс указательных знаков выделяется как средство, призванное осуществлять идентифицирующую референцию.

Дейктическая система включает в себя несколько видов местоименных (или прономинальных) указаний: прежде всего, дейксис первого лица *Я/Мы* (указание на говорящее лицо), дейксис второго лица *Ты/Вы* (указание на лицо, к которому обращена речь) [11] и относительный дейксис – анафора. Данные дейктические слова, указывающие и дифференцирующие посредством соотношения с лицами и предметами, находятся в том или ином отношении к адресату и адресанту: местоимение *Я* является дейктическим центром речевого акта, *Ты/Вы* – самим адресатом. В своей монографии «Высказывание и его соотношенность с действительностью» Е. В. Падучева пишет: «Исследование, посвященное референции в естественном языке, с неизбежностью обращается в исследование о местоимениях. Действительно, местоимения и вообще местоименные элементы языка – это главное средство референции» [22, с. 10-11]. Характеризуясь референциональной соотношенностью, дейктики способны актуализироваться в речи, осуществлять отсылку к референтам, идентифицируя их.

То есть, «...Идентификация объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации и т.д. – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту» [4, с. 3] достигается благодаря использованию различных лингвистических элементов, некоторые из которых принимают форму как дейктических, так и анафорических отсылок, в зависимости от случаев их употребления. Более подробно отношения идентификации описаны Н. Д. Арутюновой в её исследовании «Предложение и его смысл» [3, с. 284-325], а также в известном труде «Номинация и текст» [2, с. 304].

Необходимо подчеркнуть, что взятое на примере творчества Андре Жида субъективированное повествование автобиографической направленности на французском языке изобилует наличием местоимения 1-го лица, в том числе в ударной форме, а также прямыми и косвенными приглагольными местоимениями-дополнениями, имеющими ярко выраженную дейктическую определенность.

Личное *Я*, как правило, соотносится с характерным набором деталей жизни, особенностей личности автора, находя свое отражение не только в сюжете произведения, но и непосредственно в языке.

Данный дейктический маркер, обозначая лицо, становится основным языковым элементом в идентификации адресанта:

Je ne savais plus ni qui, ni où j'étais... Avant, pensais-je, je ne comprenais pas que je vivais [27, р. 7]. / *Я уже больше не знал – ни кто я. Ни где я... Раньше, думал я, я не понимал, что живу* [15, с. 5].

Первое лицо единственного числа *Je*, используя для идентификации рассказчика в русском варианте, также предполагает наличие *Я*, сохраняя при этом инверсионную конструкцию со сказуемым во второй фразе. В первой же части наличие прошедшего описательного времени опущено в силу образности *Я*, полностью справляющегося со своей дейктической задачей.

Наиболее показательными при анализе текстов произведений оказались ситуации описания и идентификации героя/субъекта посредством прономинальных возможностей. Говоря о художественном тексте, обойти

категорию героя невозможно, так как, по мнению М. М. Бахтина, «человек – организующий, формально-содержательный центр художественного видения» [6, с. 206].

В анализируемых произведениях Андре Жида таких случаев можно выделить три, к которым автор прибегает чаще всего: описание персонажа с целью его представления кому-либо; описание персонажа с целью подчеркивания его личностной, как внешней, так и внутренней, индивидуализации; ситуация описания персонажа с целью его положительной или отрицательной оценки.

В идентификационной ситуации при презентации портрета, для выделения героя из множества других персонажей, чаще всего используются анафорические повторы с привлечением поссессивных, относительных и указательных местоимений, безусловно, в дополнение к имени собственному или к другим средствам идентификации:

(1) *Lucile Bucolin était très belle. Un petit portrait d'elle que j'ai gardé me la montre telle qu'elle était alors, l'air si jeune qu'on l'eût prise pour la sœur aînée de ses filles, assise de côté, dans cette pose qui lui était coutumière: la tête inclinée sur la main gauche au petit doigt mièvrément replié vers la lèvre* [25, p. 89]. / Люсиль Бюколен была очень красива. На сохранившемся у меня маленьком портрете она изображена такой, какой была в ту пору, и лицо её настолько юно, что её можно принять за старшую сестру её собственных дочерей, рядом с которыми она сидит в обычной своей позе: голова слегка опирается на левую руку, мизинец которой жеманно отогнут и касается губ [14, с. 95].

(2) *Dédale s'était levé pour m'accueillir dans la sale peut éclairée où je le surpris incliné sur des tablettes, des plans étalés, entouré de quantité d'instruments bizzars. Il est de très haute stature, non courbé malgré son grand âge ; porte une barbe plus longue encore que celle de Mnos, laquelle est restée noire, blonde celle de Rhadamante, tandis que celle de Dédale est argentée. Son front vaste est coupé de profondes rides horizontales. Ses sourcils broussailleux couvrent à demi son regard lorsqu'il tient la tête baissée* [28, p. 53]. / Дедал, поднявшийся мне навстречу, принял меня в плохо освещенной зале, где я застал его склоненным над покрытыми воском дощечками, развернутыми картами, среди большого количества непонятных мне инструментов. Он был очень высокого роста, не сутулился, несмотря на преклонный возраст; бороду носил длиннее, чем у Миноса, только у того она была еще черной, у Радаманта – светлой, бороду же Дедала посеребрила седина. Его огромный лоб прорезали глубокие продольные морщины. Кустистые брови почти скрывали глаза, когда он наклонял голову [14, с. 481].

В первом примере (1) процесс идентификации происходит, прежде всего, благодаря притяжательному детерминативу *её* и употреблению русского падежного у *меня* вместо французского косвенного местоимения-дополнения *me* для глагола *montrer*, с управлением через предлог *à*; во втором случае (2) – при описании персонажа с использованием указательного местоимения женского рода *celle* и относительного местоимения сложной формы *laquelle* в соответствии с родом и числом заменяемого существительного.

Основываясь на референциально-семантическом делении местоимений на разряды, остановимся на употреблении личных местоимений 3-го лица единственного и множественного числа – *il, elles, ils, elles* и проанализируем, каким образом проявляются синтаксические связи в анафорических отсылках в языке автора при идентификации адресанта и адресата.

Имязаменители данного разряда приобретают статус анафоры при наличии антецедента, в этом заключается их принципиальное отличие от местоимений-дейктиков – *je/nous, tu/vous*, непосредственно указывающих на субъект/объект, например:

Son père était, je crois, dans le commerce. Robert était très jeune encore quand il l'a perdu [26, p. 13]. / Кажется, его отец был торговцем. Робер был еще мальчик, когда тот умер [14, с. 485].

Или:

Un instant il resta tout déconcerté par ma remarque et par mon rire: il y avait de tout son cœur, lui [27, p. 56]! / На какое-то мгновение моё замечание и смех привели его в замешательство: ведь он сделал это от всего сердца [15, с. 189].

Обозначение третьего лица в качестве подлежащего у Андре Жида перенесено на русский вариант дополнением *ego* в *il resta*, а ударная форма местоимения *lui*, которую автор структурно эмоционально окрасил, средствами русского языка получает указательное замещение на *это* как наиболее адекватная степень заданного значения. Другой пример:

Je l'ai revu. Comme sa douleur est digne est belle! Je commence à le comprendre mieux. Je crois qu'il a horreur des phrases toutes faites, car il a pour me parler de son deuil la même réserve qu'il avait pour me déclarer son amour [26, p. 98]. / Я вновь увидела его. Как достойно и прекрасно он переживает свое несчастье! Я начинаю лучше понимать его. Думаю, что он ненавидит банальные слова, ибо о своей беде он говорит с такой же сдержанностью, с какой он объяснялся мне в любви [14, с. 501].

В приведенном отрывке все анафорические указания французского языка для идентификации персонажа третьего лица нашли своих прямых эквивалентов в русском: *le, il – ego, он*, однако для выражения притяжательности французским поссессивом *sa* потребовалось вновь прибегнуть к местоимению *он* с целью сохранения семантической структуры предложения.

Частым случаем идентификационного уточнения у Андре Жида является использование прономинативов, стоящих в ударной форме, для местоимения-подлежащего множественного числа:

Jour après, nous partions, elle et moi, rejoindre ma mère [25, p. 29]. / Два дня спустя мы с ней выехали вслед за матерью [14, с. 78].

В настоящей статье рассмотрены далеко не все вопросы, представляющие устойчивый интерес лингвистов к исследованию указательных механизмов в языке, вместе с тем ее проблематика расширяет представление о характере дейктических слов, их функциональных возможностях. Очевидно, что языковые средства дейктической природы, посредством которых осуществляется вербальное указание на лицо – субъект/объект, выступающие как маркеры «идентифицирующей дескрипции» [24], способны актуализироваться в речевом взаимодействии адресата/адресанта, осуществлять отсылку к референтам, идентифицируя их. Проза Андре Жида, послужившая базой для решения поставленных исследовательских задач, демонстрирует способность дейктических знаков являться одними из востребованных языковых феноменов, задействованных в процессе идентификации участников дискурсивного процесса в целом.

Список источников

1. **Апресян Ю. Д.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 629-650.
2. **Арутюнова Н. Д.** Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 304-357.
3. **Арутюнова Н. Д.** Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
4. **Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.** Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 3-42.
5. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 576 с.
6. **Бахтин М. М.** Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
7. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 448 с.
8. **Блох М. Я.** Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 5-11.
9. **Блох М. Я.** Язык обиходный, язык художественный и общество-языкотворец // Язык. Культура. Речевое общение. 2012. № 1. С. 7-13.
10. **Бударягина Е. И.** Средства создания образа адресата в художественном тексте [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филол. н. URL: <http://www.dissercat.com/content/sredstva-sozdaniya-obraza-adresata-v-khudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 26.12.2017).
11. **Бюлер К.** Теория языка. М.: Прогресс; Универс, 2000. 504 с.
12. **Демьянков В. З.** Образ адресата // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под общим руководством Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 376-377.
13. **Демьянков В. З.** Текст и дискурс как термины и как слова обиденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34-35.
14. **Жид А.** Избранное / пер с фр.; сост. и вступ. ст. В. Никитина. М.: ТЕРРА, 1997. 592 с.
15. **Жид А.** Избранные произведения / пер. с фр. М.: Панорама, 1993. 510 с.
16. **Кибрик А. А.** Местоимения как дейктическое средство // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. С. 201-236.
17. **Кибрик А. А.** Местоимения: морфологические, синтаксические и дискурсивные аспекты // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов: сб. обзоров. М.: ИНИОН АН СССР, 1990. С. 139-201.
18. **Кибрик А. А.** Об анафоре, дейксисе и их соотношении // Разработка и применение лингвистических процессоров / под ред. А. С. Нариньяни. Новосибирск, 1983. С. 107-129.
19. **Кубрякова Е. С.** О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000. С. 5-13.
20. **Кубрякова Е. С.** О типах дискурсивной деятельности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2003. № 478. Лексика в разных типах дискурса. С. 5-10.
21. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
22. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2008. 296 с.
23. **Савельева Е. Б., Рыжова Л. П.** Дейксис и анафора в дискурсивном пространстве автобиографической прозы Андре Жида: монография. Орехово-Зуево, 2016. 178 с.
24. **Стросон П. Ф.** О референции // Новое в зарубежной лингвистике / ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1982. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). С. 55-81.
25. **Gide A.** La Porte étroite, extraits sélectionnés par J. Mallion, H. Daudin. Nancy: Bordas, 1972. 160 p.
26. **Gide A.** L'École des femmes. P.: Editions Gallimard, 2006. 244 p.
27. **Gide A.** L'Immoraliste. P.: Editions Gallimard; Mercure de France, 1996. 182 p.
28. **Gide A.** Thésée. P.: Editions Gallimard; Folio plus, 2008. 114 p.

**DEICTIC IDENTIFICATION OF AN ADDRESSEE AND AN ADDRESSER IN THE SPACE OF A LITERARY TEXT
(BY THE MATERIAL OF ANDRÉ GIDE'S PROSE)**

Savel'eva Elena Borisovna, Ph. D. in Philology
University for Humanities and Technologies, Orekhovo-Zuyevo
[lenaandrei2007@rambler.ru](mailto:lanaandrei2007@rambler.ru)

Nomination and identification of a person is made using different linguistic phenomena, among which deixis plays the key role. The article summarizes famous linguists' viewpoints on linguistic processes within discursive and textual space, which contains the category of indicative signs as a lexical and grammatical means serving to make identifying reference. The fact that deictic markers can perform the identifying function indicating an addressee and an addresser in a literary text is illustrated by the example of the French writer André Gide's prose.

Key words and phrases: literary text; nomination; identification; reference; deixis; anaphora; addressee; addresser.